

ОНА - ТВОЯ

goal

ЛЮСИНДА МИЛЛЕР

Люсинда Миллер

Она - твоя дочь

«Автор»

2026

Люсинда Миллер

Она - твоя дочь / Люсинда Миллер — «Автор», 2026

- Бронислав, Зоя твоя дочь! – реву я, хватаясь за полы его рубашки.- Моя!?- Да. Зоя твояБронислав плавно оседает на скамью и хватается за голову. А потом поднимает убийственный взгляд и едко цедит:- И когда ты собиралась мне сообщить о дочери? Если бы мы случайно не встретились, я бы о ней никогда не узнал?- Пожалуйста, ты должен меня понять.- Понять?! Я должен понять, что твой муж подлый интриган?- Пожалуйста, не кричи. Мне и так плохо.- Ты хоть понимаешь, что натворила? Вы оба натворили!***Случайно подслушав, что мой любимый женат, я трусливо сбежала из гостиничного номера. А вернувшись домой, в другой город, узнала, что беременна. Студентка. Без денег и поддержки, я вынуждена была принять выгодное предложение от мужчины, гораздо старше себя.Прошли годы и вот судьба нас сводит вновь.Только теперь между нами - огромная пропасть: недоверия, коварства и лжи. А еще муж, который не согласен на развод.

© Люсинда Миллер, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Луиза	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Она - твоя дочь

Глава 1. Луиза

Нехотя поднимаюсь по ступеням родного подъезда, держа за руку пятилетнюю Зою. Ноги не хотят нести меня домой. Туда, где защита, уют и покой априори должны быть, а по факту бесконечная череда моих семейно-бытовых страданий.

Муж сегодня остался работать дома. Но ждать, что меня по приходу ждет горячий, свежий ужин - наивные мечты. Хорошо, если Владлен просто работал, а не подтягивал какую-нибудь студентку по своему предмету.

Господи! Как же мне надоело притворяться идеальной женой на людях – в институте с коллегами, с друзьями мужа и при Зое. И еще больше надоело терпеть его постоянные измены.

Так муторно на душе. Или это гормональный фон мне подкидывает дурное настроение?

Нам остается пройти один лестничный пролет, как дверь этажом выше открывается с резким хлопком. Слышится девичий смешок и мужской, знакомый бас, шуршание одеждой, а следом легкие, тропливые шажки.

Я невольно останавливаюсь и поднимаю голову вверх.

Девушка в бирюзовом плаще, увидев меня, тормозит на ступеньке хватаясь за перила и вскидывает голову. Наши взгляды встречаются и в ее глазах я вижу узнавание.

Она выдает себя испугом в карих глазах. Буркает сухое приветствие и опустив взгляд, обходит нас по кругу. Поспешно спускается вниз, будто боится, что окликну ее, задержу и начну допрашивать.

Зачем мне ее о чем-то спрашивать, когда я и так узнала ее. Студентку третьего курса, которая берет уроки репетиторства у моего мужа. Алина, кажется. Почему помню ее имя, потому что она участвовала в столичном конкурсе красоты. Броская внешность, а умом не вышла. Числится в должниках по основному предмету.

Провожая спину убегающей модели и скриплю зубами от злости и отвращения.

Муж не стыдился приводить к себе в квартиру студенток старших курсов и трахаться с ними, пока я и дочь отсутствуем дома.

После смерти его тетки – Серафимы Егоровны, Владлен как с цепи сорвался – стал трахать всех, кто соглашался на его домогательства. Но скорее путем шантажа, протекции или в меру своей распушенности.

И судя по разным лицам студенток, бывающих в нашей квартире – согласных находится немало. То ли шантажом он их принуждает к сексу, что, если откажет, то не сдаст экзамены. То ли наоборот - обещаниями высоких баллов в случае согласия на его внимание.

Не берусь разбирать его похождения на предмет основной причины.

Изменяет и точка.

Я всегда держу гордое лицо и ни единого раза не пыталась это выяснить. Мне так мерзко от самого факта что мой муж, в статусе декана кафедры пользуется положением в личных низменных интересах. И, если спустя два года после брака я глубоко расстраивалась, узнав о том, что он склоняет студенток к интиму. То спустя время привыкла к его похотливой натуре. Хотя Владлен не однократно говорил, причем с укором, что виновата в его изменах я.

Ну значит ему виднее. Он же старше меня, а значит опытнее и мудрее. Не берусь отстаивать его мнение. Мне все равно.

Только с каждым разом – пусть такое и не часто случается, но, когда сталкиваюсь лицом к лицу с какой-то из студенток, меня воротит и хочется разбить Владлену голову. Нет, не за

то, что люблю и ревную или дико ненавижу, а потому что устала так жить. Изображать перед людьми семейную идиллию.

- Мам, - тербит меня дочка за рукав пиджака, - а папа уже дома? Кажется, я слышала его голос. А почему он нас не встречает, не открывает дверь? Мы же без ключа.

Я морщусь и сквозь боль улыбаюсь дочери. Сегодня, поругавшись с мужем еще утром, я забыла ключ от квартиры, а возвращаться – не хотела видеть его самодовольное лицо.

- Зоя, папа работает и очень занят. Поэтому некогда ему топтать коврик у порога – нас дожидаться. Позвоним и он откроет нам дверь.

Не смотря на нашу ссору и хроническую холодность, он не изменяет себе - продолжает изображать заботливого отца и мужа.

Зоя разочарованно вздыхает, покрепче подхватывая коробку с покупкой и смело переступает оставшиеся ступени.

Собравшись с силами, нажимаю кнопку звонка. Хочу просто зайти в квартиру, снять с себя обувь и одежду, чтобы не мешала дышать. Налить кружку травяного чая и закутавшись в плед, сесть на лоджии и часами смотреть в окно. И мечтать... Только и остались мне мои скромные тихие мечты, но такие банальные. Не успеваю поднять руку чтобы позвонить, как срабатывает щелчок замка входной двери, и в проеме появляется Владлен.

Меня встречает ухмылка на его лице и легкая небритость. Чувствуется что у него хорошее настроение, тогда как мне, при мысли что от нас выбежала его очередная протезе, становится как минимум неприятно.

- Привет, пап! – радостно восклицает Зоя, первой ныряя в открытую дверь квартиры. – А мы с мамой в магазин игрушек заходили. И она купила мне мыльные пузыри и пазлы с мультиками. Зверополис на них! Из новой серии мультика! - хвалится с чисто детским позитивом. – Будешь помогать мне их собирать?

- Привет, котенок, - Владлен растягивает губы в широкой улыбке, скорее делая вид что очень рад новым игрушкам дочери, нежели искренне. Я-то знаю его как облупленного. – Значит мама получила зарплату? – вскидывает на меня взгляд и его глаза уже не улыбаются. – Значит наша мама транжира.

Вроде произносит с насмешкой, шутливо ругает меня за траты, но это лишь для вида. Для дочери. На самом деле он любит контролировать каждый мой шаг. Не знаю зачем ему это? Натура такая или боится, что я, тайно скопив от него приличную сумму денег, в один день подам на развод и уйду от него? Только куда мне идти? В городе у меня нет родных. А у институтских подруг своя жизнь. На свое жилье я не заработала, не накопила.

И тем не менее, Владлен каждую покупку, любую трату денег, даже моих разбирает под лупой. Так было изначально, когда мы только поженились и я ничего не зарабатывала, была финансово зависимая от него, не считая написания курсовых для студентов-лоботрясов. А спустя годы как-то так сложилось, что отчитывалась за траты. Он видел мой расчетный лист, знал все мои доходы. Контролировал каждую тысячу.

И нет, не скажу, что он жадный. Когда нужно, он может быть щедрым и дарить дорогие и изысканные подарки, водить в театры, музеи, выставки. Но что касается сбережений, предпочитает, чтобы они хранились у него. Так повелось с самого начала нашего брака. Фиктивного брака.

Зоя хмурится и переводит взгляд на меня, замершую у порога и не спешащую раздеваться. Ребенок не понимает, что хочет сказать отец и почему между ними постоянно натянутые отношения. Которые при ней мы стараемся не показывать, изображать семейную идиллию.

- Владлен, - произношу устало, - не грузи лишней информацией мою дочь, - я захопываю дверь и начинаю снимать обувь.

Хованский резко опускается на корточки и тянется к моей ноге, чтобы расстегнуть замок на ботильонах.

Мне неприятна его прилюдная игра в заботливого мужа, и я отдергиваю ногу, не позволяя мне помочь разуться.

- О, как ты заговорила... с каких это пор она стала твоей? – злобно шипит, вскинув взгляд. Устав притворяться, я приглушенно чежу:

- С первого дня ее рождения.

- Я думал Зоя общая! – рычит муж в ответ и в его карих глазах вспыхивает злость, смешанная с уязвимостью. - Ничего, что она носит мою фамилию?

Я резко зажмуриваюсь и втягиваю ноздрями квартирный воздух, пропитанный развратом.

Он каждый раз пытается опротестовать свое фальшивое отцовство. Свою причастность к рождению Зои. Будто она ему и правда важна, нужна. А я мамаша - сука подлая, отнимаю у него права быть хорошим отцом для моей дочери. Не благодарная тварина, не оценившая его благородный поступок – жениться на мне, будучи брюхатой от другого. Брюхатая и тварина – дословно сказанное Владленом, в порыве неконтролируемой злости и алкогольного опьянения.

Открываю вновь глаза и устало смотрю на мужа.

Хованский вскакивает на ноги и раздувая ноздри смотрит на меня со злостью.

- Вот именно, Владлен, фамилию и только! – оглядываю мужа в одних трико и неодобительно кривлюсь. Заметно, что муж одевался второпях, на голое тело, не успев даже надеть трусы. И с упреком заявляю: – Ты бы одевался подобающе, когда встречаешь гостей. Мало ли с кем я могу прийти домой. Может с кем-то из твоих коллег, а ты полуголый расхаживаешь...

Хованский морщится и машет рукой – отстань.

- Вы сегодня вернулись раньше, - отвечает, сузив веки, будто бы это оправдывает его разврат в домашних стенах. – Я был сильно занят.

Ну да, занят. Чем? Хочется выкрикнуть: стоял на коленях? Или наоборот – она, твоя студентка-должница усердно трудилась над твоей эрекцией? Но молча проглатываю слова возмущения, слова обличия и наклонившись к дочери, шепчу:

- Зоя, иди вымой ручки, переоденься и иди на кухню, хорошо? Я сейчас разденусь и приду к тебе, - быстро обнимаю дочь за плечи и подталкиваю в сторону ванной комнаты.

Зоя поникшим взглядом смотрит на Владлена, вроде ждет одобрения или наоборот, что отец добавит слово, но поняв, что на этом разговор наш закончился, подхватывает с пуфика новые игрушки и топаёт из коридора.

Я открываю дверцы прихожей и напоследок кидаю:

- Это даже хорошо, что я забыла ключи. Хоть не пришлось случайно лицезреть твой домашний разврат.

Глава 2. Улика

Не успеваю переступить порог ванной комнаты, как слышу от Зои удивленный возглас:

- Мама, а это ты потеряла свои красивые трусики? – и чисто по-детски, хихикает.

Я же ошалело пялюсь на лиловое, скрученное кружево, брошенное на крышке стиральной машинки и, судя по всему, забытое сбежавшей студенткой.

Так торопилась, боялась, что застану их, что забыла про трусы.

Неприязнь, смешанная с горечью, подкатывает к горлу вместе с желудочным соком, обжигая мои внутренности кислотой.

Я сгребая забытое белье рукой – подальше от глаз дочери и на эмоциях сильно ругаю ее:

- Зоя, некрасиво так прямолинейно говорить человеку про его нижнее белье. Красивое оно, испачканное или дырявое! Даже если ты заметила на ком-то его такое или как сейчас - брошенное вот так, надо отвернуться и промолчать. Хозяин одежды сам решит, что ему носить и где класть. Это уже останется на его совести.

- Но мама, я же ничего не делала с ними, просто увидела и сказала тебе, - виновато бормочет Зоя, глядя на меня озадаченно.

Понимаю, что дочь не при чем и в похождениях налево ее неродного отца не виновата. Но как же я зла! Ненавижу Владлену!

- Умывайся и вымой руки с мылом. Иди в спальню и переоденься. Я сейчас поговорю с папой и приду за тобой. Хорошо?

Дочь кивает и послушно открывает кран.

Я же, скомкав кусок ненавистного кружева, с воинственным настроением топаю в комнату к Владлену. Рывком, не особо церемонясь, открываю дверь – муж никогда не запирается и врываются в его профессорскую обитель.

Владлен удивленно смотрит на меня, сидя в высоком кресле, словно король на троне.

Не ожидал что ворвусь без спроса? А я вот она – явилась. Довел ты меня, кобель!

- Твоя потаскуха забыла в ванной это! – бросаю скомканные трусы в лицо мужу.

Он ловко ловит их на лету и тут же отбрасывает под стол. Вскрикивает с кресла, подлетает ко мне и нависнув, злобно рычит:

- Ты спятила?! - глаза мужа наливаются угрожающей темнотой, но мне не страшно. – Где твои манеры, Луиза?

Что, не понравилось ловить вонючие трусы любовницы?

Урод похотливый!

- Нет, это ты спятил! Похоть тебе залила глаза настолько, что ты уже скоро приведешь потаскуху домой ночевать и будешь трахать ее, когда Зоя и я спим за стенкой.

- Не мели чушь! Я так никогда не сделаю, - кривиться Хованский, но я ему уже не верю.

- Это была Алина? Участница конкурса красоты, – флегматично уточняю. – Ее внешность не пропорциональна уровню айкью. Трахается то она как? Так же, как и учиться? Или годится в постоянные любовницы? - произношу с особым цинизмом, глядя прямо в бесстыжие глаза мужа.

- Дура, ты! Тише можешь говорить? – скалится Владлен, нависая надо мной и отгородив от коридорного проема, захлопывает дверь.

- А что разве я сказала что-то не то? – задираю подбородок и смотрю придиричиво. – Ты же озабоченный сорокалетний профессор, пытающийся доказать самому себе что юные девушки спят с тобой не из-за хороших оценок. Но открой глаза – так и есть! Ни одна не мечтает занять мое место! А почему?

Владлен кривиться, будто все что я говорю – чушь. И ему ни капельки не больно и не стыдно от моих унижающих его слов. Он знает себе цену и точка. Смотрит снисходительно и цинично, резко отвечает:

- Да, я сплю со студентками! И никто из них не претендует на твое место, не потому что оно занято тобой, а потому что не ищущу замену своей жене! А трахаю я их, знаешь почему? – я никак не выражаю своих эмоций, с ненавистью глядя в его лживые глаза, и он за меня отвечает: - Потому что моя молодая жена мне не дает, то, что должна давать в супружестве! Нос воротит, всякий раз стоит к тебе прикоснуться, – Владлен внезапно хватается за локоть и притягивает к груди. – Ты в этом виновата, Луиза! Что я использую этих глупых, продажных кукол! Поняла? – шипит в лицо и кажется, что еще миг и вцепится в меня, как разъяренный сервал. А потом моргает и тянется с поцелуем, от которого я успешно уворачиваюсь и его губы влажно мажут по щеке.

- Пусти меня! – толкаю со всей силы мужа в стальную грудь. – Ты мне противен! - вожусь в его объятиях, тогда как муж не оставляет попыток поцеловать меня в губы, удерживает в объятиях.

- И так всегда! Противен! Мерзок! Уйди... - его лицо искажает судорога неприязни, но сдается – ослабляет хватку. - Я их трахаю потому, что ты не даешь трахать себя! Я пять лет женат на арктической суке! А я мужик, которому хочется секса! Представь?

Я шумно соплю, удерживая между нами расстояние на вытянутых руках. А доведенный до точки кипения Владлен, продолжал бить наотмашь словами, выворачивая наизнанку мою давнюю боль.

- А ты, дуреха, все мечтаешь о своём летчике? Ждешь что он тебя найдет и заберет? – усмехается цинично. – Да не нужна ты ему, поняла! Хотел бы быть с тобой – не отпустил бы из кровати. Классно он трахал да, что до сих пор забыть его не можешь! За пять лет что мы женаты, я ни разу от тебя не чувствовал ни грамма любви. А я ведь тебя боготворил, Луиза! Как лучшую студентку потока. Как женщину полюбил! А ты взяла и позволила трахнуть себя какому-то курсанту! – выдает с горечью и некой обреченностью Владлен.

Но мне все равно на его чувства. Мне тошно от того, в кого я превратилась, став его женой и что меня ждет в перспективе. А еще обида и не согласие с его обвинениями. Боготворил?

- Ты врешь! – выплевываю. – Никогда ты меня не любил! Ты любил свою власть надо мной. Дорогой экспонат, который можно поставить в сервант и любоваться. И женился ты на мне не из благородных побуждений, - разозлившись, я с силой тычу мужа пальцем в грудь, и он, охнув, невольно отступает. – Квартира тетки – вот что было для тебя главным! А я - залог ее получения. Я и моя дочь.

Владлен, опустив голову, смотрит озлобленно, но молчит. Дыхание его учащается, глаза наливаются кровью. Он дико злиться, но я за годы жизни с ним уже его не боюсь. Время страхов давно ушло. Осталась привычка, некая благодарность профессору, за то, что в трудную минуту одиночества и потерянности он подал мне руку и да, предоставил жилплощадь. И эта самая жилплощадь оказалась камнем преткновения. Решающим вопросом выйти замуж за профессора Хованского старше меня на пятнадцать лет.

Я только начала вставать на ноги и о собственном жилье не было речи. Плюс маленькая дочь. От мысли найти её отца – у меня учащался пульс и поднималась горечь обиды, ревности, злости. То, как поступил со мной Бронислав одним грустным утром, перечеркнув наше совместное будущее.

- Так было в начале моего плана, - признается Владлен. Не впервые, повторяется. – Но позже, после рождения Зои, когда ты позволила приходить в свою постель, - голос его прерывается и становится хриплым, - все поменялось. Я начал влюбляться в тебя, Луиза! – Владлен снова подходит ко мне вплотную – теснит к стенке и вставляет колено между ног так, что я не могу выбраться.

- Ты что делаешь?! – шиплю на него и выглядываю из-за плеча – боюсь, что Зоя войдет в кабинет увидит нас и напугается. – Пусти сейчас же!

- И не подумаю, - выставляет по обеим сторонам от моей головы ладони, вынуждая меня присмиреть. – Как твой муж, я имею все права на секс. И ты обязана мне его давать. На регулярной основе, - его голос вибрирует негодованием, а дыхание опаляет лицо, заставляя кожу покрываться гусиными лапками.

Я зажмуриваюсь и отворачиваю голову. Щекой трюсь о холодный бетон стены. Максимально хочу избежать его прикосновений. Он прав – он мне неприятен.

Владлен высокий и жилистый. Несмотря на возраст, муж в хорошей физической форме – посещает спортзал и бассейн трижды в неделю в институте вместе со студентами.

Сопит, буравя мою переносицу, взгляд спускается на плотно сжатые губы, и муж издает мурчащий звук.

- Луиза... - тянет мое имя с особой млеющей тональностью, будто и правда меня любит. Вдыхает шумно воздух с растрепанных волос. – Такая далекая и при этом безумно желанная, - шепчет разочарованно. Ударяется лбом в стену над моей головой, продолжая удерживать в

плени и колено между ног такое горячее. – Неужели ненавидишь меня из-за возраста? Я слишком стар для тебя? А ведь все эти тренировки, бассейн продиктованы твоим безразличием. Я для тебя стараюсь выглядеть в форме. Я хочу, чтобы ты меня желала так же, как я тебя. И чтобы ревновала к молодым студенткам, как я тебя к твоему летчику.

Он думает, что пристыдит меня? Или разжалобит? Заставит в него влюбиться? Нет. Этого уже не будет. Если я и была очарована Владленом в начале посещений его лекций и его благородному поступку и частых встреч в неформальных условиях, то пожив с ним и поняв его лучше – нет. Он просто не мой мужчина. А тот, кому я отдала сердце и свою невинность, увя, ее не оценил.

Глава 3. Воспоминания

Восемь лет назад. Москва.

- Караваева, ты опять не готова к уроку? – стыдит меня профессор, задержав после звонка. – Ты так хорошо начала учебный год, а теперь вдруг скатилась до четверок. В чем дело? – Владлен Игоревич смотрит на меня пристально, участливо и мне правда кажется, что ему безразлично то, как я учусь. – Сядь, мне неудобно задирать голову. И расскажи, что у тебя происходит.

Я сажусь на указанный им стул и гляжу перед собой – в лицо мужчине, к тому же своему преподавателю и куратору, стыдно смотреть, и признаюсь, что новая соседка по комнате в общежитии ведет аморальный образ жизни и не дает мне ни выпастись, ни уроки выучить, приводя чуть ли не каждую ночь парней. А снять жилье в столице – откуда у провинциалки деньги?

На удивление, профессор внимательно меня слушает. Понимающе кивает и чуть подумав, говорит:

- Понятно. У меня есть к тебе предложение.

Я вскидываю взгляд и настороженно таращусь на него. Жду что он предложит мне какую ни будь непристойность. Что еще может ждать студентка от молодого мужчины преподавателя? Однозначно какой-то взаимной услуги.

На всякий случай чуточку отодвигаюсь от него, глядя с недоверием, группируюсь, готовая к внезапной атаке.

Он же, видит, что я напугана, грустно и понимающе усмехается. Шумно вздохнув, продолжает:

- Давай проясним сразу, чтобы ты не думала, что я предлагаю тебе какую-то гадость! Луиза! Я лишь хочу, чтобы одна из лучших студенток на потоке доучилась. Получила заслуженный красный диплом и поступила в аспирантуру.

- Я тоже этого хочу, Владлен Игоревич, - bleю в ответ.

- Поэтому тебе надо съехать на квартиру. Эти непутевые соседки..., - морщится неприязненно, - тебе нельзя оставаться жить в общежитии и дальше. Это приведет либо к падению уровня твоих знаний, либо...к тому, чем занимается эта девица, - печально вздыхает.

- Я знаю, - суровею. – Но у меня нет выбора, поймите. Я едва свожу концы с концами, - краснею и отвожу взгляд.

Мне стыдно за свою нищету.

- Это не так. Выбор есть всегда.

Я смотрю на профессора и думаю, что он не сталкивался в жизни с бедностью.

- Моя тетка – старая и одинокая женщина, может сдавать тебе комнату. У нее большая квартира и там хватит места всем.

- Но как я смогу с ней расплачиваться? Сколько будет стоить проживание? – уже цепляюсь за возможную идею съехать с общаги и обрести некое подобие покоя.

- Нисколько.

- Нисколько? – недоверчиво переспрашиваю.

Не верю я в человеческий альтруизм.

А Владлен едва заметно улыбается, откинувшись на спинку кресла – чувствует, что предложение меня заинтересовало и поясняет:

- Нисколько в плане финансовом. Будешь убираться в комнатах. Своей, ее и свободной. Ходить за продуктами. Платить счета, в общем помогать пожилой женщине там, где она справиться не может или справляется с трудом. Одним словом - присматривать за моей теткой. Мне некогда ей уделять внимание, а от социального работника она наотрез отказывается. Не хочет чувствовать себя инвалидкой.

- Если ваша тетя примет меня, если поправлюсь ей... - бормочу, в тайне радуясь такой перспективе.

- Конечно понрависься, о чем разговор. Серафима Егоровна интеллигентная женщина. Пятьдесят лет педагогического стажа. Всю жизнь посвятила себя науке, только детей Бог не дал. И я предлагаю не с бухты-барахты, мы недавно обсуждали такой вариант. Она сама мне предложила подыскать хорошую, добросовестную студентку, которая за помощь по дому согласится поселиться.

Познакомившись с теткой профессора и узнав ее ближе, не раздумывая дала согласие на переезд. Только одного не учла, что делить ее жилплощадь я буду еще и с самим Хованским.

Об этом факте он тактично умолчал. А когда я переселилась и узнала об этом, то внезапный отказ выглядел бы трусливо и подло. Потому что женщина очень обрадовалась, что будет жить не одна. Я ей понравилась. Как и она мне.

Владлен занимал соседнюю половину квартиры. Наши комнаты объединял общий коридор, в котором мы частенько сталкивались и санузел. Огромный зал, в котором мы собирались за ужином по выходным, как настоящая семья.

И только год спустя, поумнев я поняла тонкий расчет процессора поселить меня рядышком. И, хотя он не делал мне какие-то намеки на интим, не домогался, не прикасался и не звал на свидания – в это же время обдумывал свой коварный план. А именно: как присвоить вторую половину сталинской квартиры себе.

И мое уязвимое положение беременной аспирантки в его замысле сыграло ключевую роль. Он предложил мне фиктивный брак. А я, наивная и доверчивая провинция, к тому же, не имея выбора - согласилась.

Серафима Егоровна плакала до слез, когда узнала, что мы женимся и у меня будет ребенок. Она то не знала, что он не от ее племянника. Хованский сразу предупредил чтобы я ни при каких обстоятельствах не говорила ей правду. Это сильно расстроит женщину. Да и как я бы выглядела в ее глазах? Дурехой, нагулявшей дитя с женатиком. Конечно, мне не хотелось разочаровывать эту милую старушку. А может это и правда была трусость с моей стороны врать ей. Но теперь поздно сожалеть – Серафима Егоровна отправилась на вечный покой.

И потом наш фиктивный брак продолжался недолго. Когда родилась Зоя, Владлен, выждав несколько месяцев, заявился ко мне в комнату, в постель и заявил свои мужнины права. Это не было похоже на открытое насилие. Он старался сдобрить приставание лаской, а я, напуганная напором мужчины - законного мужа и малышом, спящим в кроватке неподалеку, не сильно сопротивлялась. Так мы перешли на уровень не фиктивных отношений.

Только полюбить я Владлена так и не смогла. Мои мысли то и дело возвращались к летчику курсанту Брониславу Горелову. В одну из ночей, отказав мужу в сексе, заявила ему что не хочу его. Не люблю.

- А кого ты любишь? Его? Своего залетного, женатого курсанта??? – бушевал он, не сдерживаясь. – И где он сейчас, этот летун? А? Где был эти годы, пока я его дочь поднимал. Не спал ночами, когда она плакала. Болела. Вozил и вожу ее к врачу. Где он, ответь мне!

У меня кроме горестных вздохов не нашлось аргументов.

Зато Владлен во всем был прав.

Бронислав даже не знал, что у него растёт дочь. Лапулечка с серыми глазами как у папы. Мое рыжеволосое и любимое солнышко.

- Я, конечно, благодарна тебе за все, Владлен, но не могу дать тебе то, на что ты рассчитываешь. Прости, но я все еще люблю отца Зои.

Услышав признание, Хованский дико разозлился. Он рассчитывал на взаимность, старался быть хорошим отцом неродной дочери. Или перед теткой изображал семейную идиллию. Не берусь судить. Но после моего признания резко поменялся. Посмотрев с отвращением, покинул мою спальню и больше не приходил.

Стал холоден, сух не только ко мне, но и к Зое.

Постепенно это разрушило наши отношения, и Владлен стал спать со студентками. И если по началу меня это унижало, уязвляло и отторгало от него, то в конечном итоге примирило и стало безразлично. Особенно когда умерла Серафима Егоровна.

Он получил ее долю в наследство. И хотя по закону я как жена имела право на половину дарственной, по факту не претендовала. Зачем мне чужое жилье? Я не аферистка, чтобы с расчетом выходить замуж за москвича.

Постепенно я стала обретать независимость. Зоя подрастала. Я начала зарабатывать и задумалась о разводе, отдельном жилье.

Но для того, чтобы уйти от Владлена мне понадобиться много больше усилий, чем просто желания. Груз ответственности за маленькую дочь и отсутствие какой-либо подушки безопасности. А возвращаться в провинциальный городок, к родителям я не хотела. Как и сообщать Брониславу о том, что у него растёт дочь. Только в крайнем случае. Вроде моей неизлечимой болезни. Надеюсь, этот день никогда не наступит.

Глава 4. Вопросы Зои

Переодевшись в домашнюю одежду, я иду на кухню и машинально ставлю на плиту чайник. Достая кастрюлю борща, котлеты и раскладываю нам с Зоей по тарелкам.

Дочь не любит садиловскую еду и ужинаем мы обычно дома.

Почему меня так выбил из колеи момент с трусами студентки? Наверное, из-за Зои. Если бы я нашла их первая, то эмоций было бы меньше. И того, как меня зажал в кабинете Владлен. До сих пор чувствую его твердое колено между бедер и жаркое дыхание в лицо. Как будто мало ему спускать сексуальную энергию с должницами, ему меня подавай.

Ненавижу!

- Мама, а почему папа меня не любит? – тихо спрашивает Зоя, теребя в руках плюшевого слона. – Потому что у меня конопушки на лице? Потому что я на него не похожа?

Я резко оборачиваюсь и половник едва не выпадает из рук.

Что это еще за новости?

- Ты похожа на меня, Зоя. Дети обычно похожи на кого-то одного родителя больше. Разве тебе не нравятся твои светлые волосы, как спелая пшеница. А веснушки на щечках, - приседаю перед ней на корточки и ласково касаюсь пальцем рыжих пятнышек у носа, вызывая у дочери смех. - Это потому, что тебя так сильно любит солнышко. Больше, чем других деток.

- Правда? – улыбается дочь, а потом лицо ее становится серьезным, и она говорит: - Хорошо, что любит меня солнышко, но мне нравятся папины волосы – чёрные. И глаза. Он когда злиться, то они у него чёрные, как у страшной бабки Ёшки, - и дочь выпучив свои глаза, изображает ужас. – Я хочу такие же чтобы пугать мальчишек. Они мне делают больно, - печально вздыхает.

- Кто тебе делает больно? И как? – настораживаюсь.

- Слава дергает за косы. А Миша толкается под столом ногами, когда мы кушаем.

- Я поговорю с этими плохими мальчиками, и они больше не будут тебя обижать, - наклоняю голову дочери и мягко целую в макушку, а у самой бьется в голове вопрос дочери: почему она решила, что ее не любит Владлен?

Из-за цвета волос и что она на него не похожа? Может что-то слышала в разговоре между нами или на улице? Я сейчас совсем не готова вываливать дочери правду о ее родном отце.

- Скажи, почему ты думаешь, что папа тебя не любит? Папа что-то тебе говорил? Ругал? Кричал? – напрягаюсь, рисуя себе страшные картины из разряда запрещенных.

- Нет, папа никогда на меня не кричит, - мотает головой в стороны Зоя. – Но он не любит, когда я без стука захожу в его комнату, - хмурится. – И никогда не берет меня на работу. И из сада не забирает. Только ты одна. Значит он меня не любит, - пожимает плечами, делая свои детские выводы.

Я смотрю в серые глаза дочери и вижу в них вселенскую обиду.

Как объяснить пятилетнему человеку о проблемах взрослых людей? И как ей сказать, что она не родная дочь Хованскому? Ведь у нас уговор. И все вокруг считают Зою его дочерью. Как это будет выглядеть со стороны, если правда всплывет наружу? Ничего хорошего не выйдет ни для кого, поэтому я умолкаю и возвращаюсь к разогреву блюд.

- Понимаешь, папа очень занятой человек. У него много работы. Он ответственный за весь институт. За кафедру. За студентов. За сотрудников, - пытаюсь объяснить дочери причину холодности ее отца. – Когда ты вырастешь и начнешь работать, то поймешь его лучше. На самом деле папа тебя очень любит, - произношу последнюю фразу – всхлипываю, потому что отчасти это правда.

Владлен старается быть хорошим отцом. Это я виновата, что не люблю его и не хочу как мужчину.

Едва я накрываю на стол, заходит в столовую Владлен. Будто почувствовав за собою вину передо мной и Зоей, присоединяется к ужину.

- Мне тоже налей, - садится за стол и смотрит на разогретый в кастрюле борщ. – Я не обедал.

Ну еще бы! Ты был очень занят натаскиваем должницы.

Сцепив зубы, отворачиваюсь и достаю для него приборы.

Владлен заговаривает с Зоей, расспрашивает как прошел ее день в саду. При этом зорко следит за моими движениями.

Я молча обслуживаю мужа. Грею борщ чуть сильнее - он любит горячее. Густо посыпаю свежей зеленью наполненную тарелку и ставлю перед ним на стол. Как бы он меня не унижал, не обижал – это мой выбор. А бытовые обязанности жены с меня никто не снимал.

- Спасибо, Луиза.

- Папа, я говорила маме, что меня обижают мальчишки, - выпрашивает внимания Зоя, ковыряясь вилкой в котлете, а я смотрю на нее с укором и шепчу:

- Зоя, не мешай отцу есть. Потом расскажешь.

Но Владлен вскидывает взгляд и игнорируя мой протест включается в вопрос дочери.

- Кто тебя обижает? И как? – смотрит на дочь строго. Так строго, своими черным взглядом, что у меня невольно мурашки ползут по спине. Этот его учительский тон всегда наполнял меня страхом.

- Миша и Слава, - и дочь повторяет то, что минутами ранее рассказала мне. – Пап, ты можешь их побить?

- Зоя! – рывкаю на дочь. – Нельзя бить людей, даже если они делают тебе плохо. Надо уметь договариваться. Может ты сама их цепляла?

- Луиза, помолчи, - зыркает на меня Владлен и я опускаю взгляд на тарелку. – Я поговорю с мальчиками, которые тебя обижают, Зоя. Но мама права: надо уметь доводить до ушей других, что они не правы и самой вести себя достойно.

- Спасибо папа. Хорошо, папа, - Зоя утыкается в тарелку и начинает есть.

Я искоса смотрю на нее и думаю: а не придумала ли она все это, чтобы привлечь внимание Владлена? Хитрюга мелкая. Но пока не поговорю с воспитательницей, не узнаю обманывает она или говорит правду. И еще не хочу активного участия Владлена в жизни дочери. Не хочу, чтобы она к нему привязывалась и страдала, когда я уйду от него. И чем раньше это сделаю, тем лучше. Морально я уже созрела для развода. Осталось сообщить мужу и начать бракоразводный процесс. У нас официально есть дочь и общая жилплощадь. Мы прописаны в его квартире и развод займет время.

Дальше мы ужинаем в молчании. Зоя сбегает, а мы еще какое-то время сидим за столом. Я жду, когда и Владлен уйдет, оставив меня наконец одну. Обожаю полчаса посидеть с кружкой чая или какао на застекленной лоджии, укрывшись пледом и смотреть закат. И думать, думать. Мечтать.

Но муж не торопится оставлять меня одну.

Что ему еще надо? Неужели мы не все выяснили у него в кабинете?

Устало вздыхаю и поднимаю взгляд.

Муж смотрит на меня долго, пристально, задумчиво. От чего на моей коже проступают мурашки. Что я снова сделала не так?

А он вдруг произносит:

- Ты красивая. Моя жена - красивая женщина. И умная. Мне повезло.

Что? К чему эти странные комплименты?

- Сравниваешь меня с несостоявшейся мисс столица? - цинично фыркаю и трясую головой.

- Будь ты на конкурсе - взяла бы победу, - разочарованно вздыхает и тянется к стакану с минеральной водой.

- Спасибо, - тактично благодарю, но на самом деле меня его внимание напрягает. Оно мне не нужно.

- В это воскресенье у нас будут гости.

- Ясно. Мне надо составить меню? - флегматично интересуюсь, уже зная и о составе приглашенных, и что от меня требуется.

- Как обычно. И купи себе новое платье, если нет того, в котором ты еще не была.

Все как обычно. Образцовая жена должна соответствовать статусу своего мужа.

Глава 5. Давай разведемся

Натирая столовый фарфор до блеска, думаю лишь об одном: как подвести разговор к вопросу о разводе.

В тот день, когда Зоя нашла трусы его шлюхи-студентки, во мне окончательно перемкнуло. Я не хочу, чтобы дочь узнала, что ее отец встречается и спит с другими женщинами.

В тот раз я выкрутилась с подсказки Зои что белье мое. Но пройдет время и Зоя начнет подозревать что между мною и Владленом не так все хорошо. А зачем мне оставаться с мужчиной, которого я не люблю, который не любит меня, а лишь терпит, и который не родной отец моей дочери? Резона нет, кроме лишь...не успеваю обосновать предложение – возвращается муж.

- Ты купила хлебную нарезку с семечками и льном, как я просил? – Владлен относит натертую посуду в гостиную и возвращается за новой партией.

У мужа пунктик на счет здорового образа жизни и питания соответственное. По утрам он готовит себе каши из злаков, смузи из свежих овощей, ходит на пробежку или тренируется с гантелями и на перекладине. Хотя это не мешает ему выпить иногда спиртное с коллегами и друзьями, как например планируется сегодня.

Меня же мучает только разговор про развод и я, игнорируя его вопрос, поворачиваю голову и говорю прямо:

- Давай разведемся, Владлен.

Хованский смотрит так, будто я предложила ему выйти голым на балкон. Сначала. Но потом, когда доходит смысл фразы, сопит носом, дергает головой и морщиться, потому что, по его мнению, я сказала очередную глупость. Сгребаёт со стола натертые бокалы, изображая глухонемого.

Но я смотрю на его резко выступающий кадык – он нервно дергается, а мышцы шеи напрягаются. Значит уши его не так и глухи.

- Сделаю вид, что ослышался, - хрипло отвечает и разворачивается, готовый уйти из кухни, но я не отступаю, и повторяюсь.

- Ты не ослышался! – говорю громче. – Я хочу попросить развода.

Хованский на пол шаге замирает и ждет что скажу еще.

А я уже так разогрелась мыслями, что пружиню танком.

- Я устала так жить. И не вижу смысла изображать идеальную пару.

Владлен тяжело вздыхает и поворачивается. Смотрит снисходительно и отвечает:

- Мы же уже договорились что разводиться не будем. Что случилось на этот раз? Ты узнала что-то новое обо мне? Тебя же все устраивало...до сегодняшнего дня.

Я просто люблю другого. Пусть и чужого. До сих пор.

И ненавижу твою фальшивую любовь к себе и дочери. Ненавижу твой цинизм и меркантильность. Но больше всего твои показательные измены.

Это все я проговариваю мысленно – язык не поворачивается сказать эти слова. Почему? И сама не знаю. Может боюсь, что он выйдет из себя и что-то мне сделает...сделает больно? Через Зою. Ведь официально она его дочь! А доказывать через суд, боюсь, что я не потяну адвоката. Поэтому действую осторожно.

- Зачем я тебе, Владлен? Мы тебе обе... зачем? – опускаю руки и смотрю с мольбой. – Я даже не стану претендовать на часть квартиры! Ты можешь не волноваться за это.

- Ты - моя жена. Зоя - моя дочь. Мы - семья. Все просто.

- Это не ответ! – я выкрикиваю, начиная нервничать от его спокойного тона и отношения к теме развода, как к чему то глупому, незначительному баловству.

- Ты не любишь меня, - выдыхаю. – Я не люблю тебя. Тоже все просто.

Хованский раздраженно морщиться и вернувшись обратно, резко, со звоном ставит на стол хрупкое стекло. Делает ко мне шаг, оттесняет к холодильнику и опираясь о подоконник рукой, нависает.

- То, что ты не любишь меня, я знаю. Но кто сказал, что я не люблю тебя? М-м? – склоняет голову и смотрит дерзко, провокационно.

Это же ясно как божий день. Или ему нравится глумиться над своими же якобы чувствами?

Я вжимаюсь затылком в холодный металл и молча смотрю в черные глаза мужа. Там ад в глубине его зрачков. Злость. Недоверие. Ревность. Но любви в них нет. Ни ко мне. Ни к Зое. Ни к кому. О какой любви он говорит? Если только к своему институту. К своей работе.

- Твои измены тому доказательство, - фыркаю.

- Можно изменять и любить ту, которой изменяешь.

- Нельзя. Это противоречит одно другому.

- Жаль, Луиза, что ты за семь лет меня так и не узнала. Не поняла, - кривит свои тонкие губы в едкой усмешке.

А потом поднимает руку и кладет на голову. Медленно, обманчиво ласково гладит по волосам, сминая уложенную прическу. Заводит руку за шею и уже ощутимо, до легкой боли сдавливает кожу. Отпускает. Сжимает снова, давая понять, что хозяин положения он. Нет, муж меня не бьет. Не истязает. У него надо мной моральное доминирование.

- Я тебя услышал, но сделаю вид что ты пошутила. Выброси этот вопрос из головы и поторопись с горячим. Скоро гости придут, а ты телишься, - Владлен разжимает пальцы, раздраженно ведет плечами и отходит.

Но своим цинизмом и безразличием к просьбе, превосходством надо мной, выводит из себя. Едва он тянется руками к хрустальным бокалам я бросаюсь к ним и одним взмахом руки, сбрасываю со стола.

- Ненавижу тебя! Будь ты проклят и тот день, когда я согласилась выйти за тебя! Упырь! Сволочь эгоистичная!

Стекло крошится с выразительным звоном. Что-то на столе разбивается. Что-то катится, падает и звонко разбивается об пол.

Ладонь обжигает крапивой, и я непроизвольно вскрикиваю.

Отдергиваю руку и подношу к лицу.

Боль резкая, пульсирующая, но кровь по всей ладони меня приводит в еще больший ужас.

Что я наделала? Сама себя покалечила. Идиотка безмозглая. Повелась на провокацию. Зачем я начала этот разговор???

Непроизвольно прижимаю второй ладонью раны и несусь к крану. Скорее под холодную воду. Дышу часто-часто, а из глаз все равно брызжут слезы. Обжигают щеки.

- Дура, млять! Что ты наделала?! – орет Хованский и тут же оказывается за спиной. Опережает меня – включает кран и сует окровавленную руку под воду. – Совсем чокнулась. Ты мне хотела сделать плохо? А сделала хуже себе.

- Уйди! Пошел прочь! – меня трясет от выброса адреналина, и я заикаюсь. Ледяная вода обжигает свежие раны, усиливая боль. – Пусти меня! Я сама справлюсь!

Ненавижу! Не хочу его фальшивой заботы.

- Рот закрой, - рявкает в ухо, прижимаясь ко мне спины и не позволяя его оттолкнуть. – Надо посмотреть не застряли ли в ранах осколки. Сюда иди, - выключает воду и ведет меня за стол, ближе к окну. - Сядь, я посмотрю.

Предпочитаю не спорить. Он все равно сделает так, как решил. Как считает нужным. Для меня. Для него.

Я плюхаюсь на стул расслабляю руку и зажмуриваюсь, считая секунды его заботы. Видеть его участие - противно.

Да, пусть муж в прошлом практикующий врач, но мне его лечение не нужно. Мне нужна от него свобода.

Он промокает салфеткой ладонь, от чего я непроизвольно морщусь.

- Сильно больно? – хмурит лоб, кося на меня взгляд. Как будто ему есть дело до моих ран. Я мотаю головой, шмыгая носом. – Врешь мне?

- Не вру. Почти не больно, - тяну на себя руку, но муж держит крепко – не позволяет.

Наш спор прерывает вбежавшая в кухню Зоя.

- Мама!? Мамочка, у тебя кровь? Ты разбила стаканы?

- Зоя, стой на месте! На полу осколки! – истерично кричу дочери и только тут осознаю, что натворила.

Ведь дочь может тоже пораниться. И я лично буду в этом виновата. Муж прав я - дура!

- Зоя, не двигайся. Отойди тихонько назад и принеси из кладовки пылесос. Хорошо? – спокойно приказывает Владлен и в эту минуту я ему благодарна что заботится о благополучии моего ребенка.

- Хорошо, папа, - и смотрит с беспокойством на меня. – А мама? Большая ранка? – Зоя смотрит на мою руку и полотенце, которое пропиталось алыми пятнами крови и все больше приходит в ужас.

- Мама поранилась. Нечаянно. Но не сильно. Ступай, Зоя и сделай что я тебе сказал. И тапочки надень, а то стекло окажется на твоих ступнях. Слышишь меня?

Зоя убегает, и я выдыхаю. На время позабыв и про боль, и про споры. Что-что, но Владлен умеет разговаривать с дочерью так, что она слушается его, не оспаривая мнения и не задавая встречных вопросов.

Глава 6. Гости

Не смотря на происшествие, гости все же приезжают, а я накрываю на стол. Медленно, неуклюже управляюсь одной рукой. Вторая – правая забинтована. Плюс в том, что я левша, а сметала правой – с того места, где я находилась было удобнее.

Осколков в ранах мы не нашли. Но один глубокий порез и несколько мелких вывели меня из строя.

Блюда поменялись – горячее резко отменилось, а в остальном все накрыто на столе на высшем уровне. Зоя, включившись в процесс помогала мне накрывать.

Круглый стол, застелен льняной скатертью. Китайский фарфор, богемское стекло с золотым ободком, Длинные, витые свечи в медных подсвечниках.

Классика буржуазии и аристократизма. Все, к чему привык муж и как не люблю я.

Среди присутствующих за столом женщина одна. Это я. Не считая Зои. Но Зое сидеть со взрослыми Владлен запрещает.

Мужчины пьют коньяк и водку. Курят кубинские сигары. Отпускают пошлые шутки, не смотря что занимают высокие посты и причисляют себя к высшему образованному обществу.

Тут и коллеги-заведующие кафедрами. Аспиранты. Доктора наук. Профессора. И даже депутат из министерства образования.

- Прошу простить моих гостей за отсутствие горячего блюда. У моей супруги выскользнул бокал из рук, и она нечаянно порезалась, - извиняется перед присутствующими за столом.

Мужчины охают. Сочувствуют. Предлагают помощь.

Но муж заверяет что помощь он уже оказал, а раны незначительны - шить не требуется.

Среди гостей находится хирург. Бывший военный, с которым работал в Чечне мой муж. Он участливо предлагает осмотреть рану и возможно наложить шов, но ни я, ни Владлен не предоставляем ему такой возможности.

В моей ране есть большой плюс. Мне не приходится весь вечер прислуживать десятку мужчин – следить за приборами и держать их в чистоте. Владлен попросту забывает на этот жест. А доложить салаты или нарезку я справляюсь.

Но есть в моей ране и минус. Не знаю зачем муж это делает прилюдно – раньше он полностью погружался в разговор с друзьями и меня едва ли замечал на таких вечерах. Сегодня же его как подменили. То ли разговор про развод его сподвигнул к действию. То ли моя травма.

Стоит мне поднести какую-то тарелку к столу, он тут же включается в процесс – торопится помочь. Обхватывает меня за талию или бедра и забирает посуду. И не торопится выпускать из рук. Мало того старается потрогать. Не явно, прилюдно акцентируя что я его жена – его собственность, а как будто ненароком. Любя оглаживает. Или, схватив за ткань платья, удерживает рядом, пока по одной таралетке или бутерброду выкладывает на этажерку.

И как не странно, сегодня он мало пьет. То ли чтобы контролировать смену блюд. То ли по иной причине, мне не известной. Но я хочу лишь одного – чтобы поскорее закончился ужин, и все разошлись по домам.

Когда спустя несколько часов наступает момент чаепития – Владлен ставит на стол самовар. Зоя приносит конфеты и плюшки, радостная от того, что допустили ее к столу и заодно стянуть сладости.

Алкоголь развязывает мужчинам языки. Кто-то затевает песню, кто-то идет курить на лоджию. А кто-то явно не равнодушен к нашей паре.

Возможно потому, что кто-то замечает излишнее внимание мужа ко мне которое я не могу игнорировать – открыто отталкивать и рычать. Но когда слышу упоминание о наследнике, застываю столбом.

- Владлен, дочка у тебя умница, красавица и послушная. Ты молодец, воспитываешь как надо. Но сына то надо родить. Наследник рода и фамилии твоей, - произносит один из докторов наук, глядя осоловелым взглядом на нас.

Встретившись со мною взглядом, мужчина подмигивает, подметив руку мужа, которую он весь вечер то и дело кладет мне на талию или бедро.

Я непроизвольно краснею и одно у меня желание исчезнуть из гостиной. Когда-то мы с Владленом договорились что у нас будет фиктивный брак и естественно никаких совместных детей.

Фиктивный брак все же перешел в настоящий. А вот второй пункт он соблюдал строго. Но сегодня все идет не по привычному сценарию.

- Будет и наследник. Дай нам время, - ухмыляется ему в ответ Хованский, а я обмираю от его слов.

Смотрю на профиль мужа в неверии.

Что это значит? Какой наследник? Если только студентка-дурочка тебе родит. А может и не дурочка, а с расчетом.

Так и распирает грубо ответить доктору: не дождетесь! Я никогда не рожу ему ребенка.

А потом он тянет меня за подол платья и усаживает к себе на колени. Сопротивляться мне мешает поврежденная рука. И я, чтобы удержать равновесие, обхватываю мужа за шею второй, здоровой и пытаюсь удержать равновесие.

Со стороны мы выглядим действительно любящей парой, которой не чужды прилюдные заигрывания.

- Владлен, перестань. Что о нас подумают твои коллеги? – шикаю на мужа шепотом и пытаюсь отстраниться.

Но мужа словно укусил демон похоти – смотрит мне в лицо с жадным блеском, громко сглатывает и мазнув взглядом по губам, резко подается ко мне и обхватив голову крепкой ладонью, соединяет наши рты.

Я охаю от стыда и неожиданности – такую вольность он позволяет себе впервые и чем продиктован этот жест остаешься лишь гадать. И пока я сжимаюсь от неловкости момента и боль в руке не дает оттолкнуть его от себя, Хованский нагло берет то, что по праву мужа, но не разрешаю брать я.

Он просовывает язык в мой рот и нагло, сметая мой протест, шарит им внутри. Больно сдавливают губы, вырывая стон из моей груди, наглядно показывает – наказывает за то, что дерзнула ему противостоять там, на кухне, тремя часами ранее.

А я даже не имею возможности вырваться. Терплю его натиск. Навязанную ласку. Не к месту вспоминаю про студенток. Он так же жадно из целует? Мне становиться противно. Не хочу его рот после других. Неизвестно что еще он этим языком с ними делает.

И еще...еще я вспоминаю другого мужчину. Мужчину из прошлого. Того в кого я нечаянно, по ошибке влюбилась. За что и расплачиваюсь нынешним браком. Нынешним положением.

Я начинаю задыхаться и всхлипываю. Мой писк и возня приводит увлекшегося целованием мужа в чувство, и он нехотя размыкает губы.

- Какая страсть, Хованский! – восторженно подмечает профессор. – От такой любви у тебя точно родиться сын!

- У кого родится сын? – вклинивается в беседу третий, пришедший с улицы мужчина и Владлен заявляет с гордостью: у меня.

Я же со стыдом на щеках и горящими припухшими губами торопливо спускаюсь с колен мужа и в каком-то ошалевшем отчаянии убегаю прочь. После такого унижения и прилюдной пошлости ни за что не выйду к гостям. Пусть Хованский сам провожает их. В конечном итоге это не мои гости. Мне на них плевать.

Но за мной никто не приходит.

Зоя уже сладко спит и я, обняв свою единственную драгоценность, плод своей неудачной любви, погружаюсь в тревожный сон.

Глава 7. Горечь утра

За завтраком Владлен мило воркует с Зоей, улыбается ей, тогда как у меня внутри растет и множится протест и неприязнь к мужу. За то что он вчера устроил за столом, а позже довершил ночью, придя ко мне в спальню.

Я проснулась от того, что кто-то горячо и часто дышит мне в лицо, потом ощутила отрывистые прикосновения губ вдоль шеи и спускающиеся ниже, к груди и когда почувствовала болезненное прикусывание соска, окончательно проснулась.

- Моя красавица... как же я по тебе соскучился, - пьяно бормочет муж, попутно задирая подол моей ночной сорочки и я уже не сомневаюсь, чего он хочет.

- Владлен! Прекрати! Ты что творишь? – шиплю на него и отталкиваю наглые руки. – Тут Зоя! – хватаюсь за мысль о дочери, спящей на соседней половине, как утопающий за спасательный круг.

- Я отнес ее спать в другую комнату, - рявкает раздраженно. – Сколько можно спать с ней вместе. Зоя уже взрослая. А ты, моя жена, должна спать со мной.

- Нет, Владлен... не трогай меня. Уходи! Мы договорились что секса у нас не будет! – всхлипываю от волнения и борьбы с ним.

Но муж не слышит меня, продолжает задирать рубашку и одним рывком стягивает трусики. Белье трещит по шву – рвется и все мои попытки вернуть его на месте рассыпаются прахом.

У нас давно нет секса. Больше года или больше и меня это устраивает, но сегодня он нарушает это правило. Видимо разговор о разводе и наследнике так его завел, что он пришел ко мне в спальню.

Муж уже раздет до гола, и я чувствую рядом его горячее, жесткое тело.

- Ты моя жена, Луиза, - хрипит, обхватив мою голову ладонями. – И отныне мы будем спать вместе. Хочешь ты или нет, я буду тебя трахать. И будет зависеть от тебя понравится тебе или нет. Трахать буду, пока ты не забеременеешь и не успокоишься. Поэтому забудь о разводе. Я тебя никуда не отпущу.

Он пытается поцеловать, но я закрываю лицо локтем и отворачиваюсь. Сдаюсь под силу и напор мужа. Пусть берет мое тело. Душу мою он никогда не получит. Лишь мою ненависть, которую кормит с каждым днем все сытнее своими поступками.

Секс его жадный и быстрый. И я радуюсь, что он долго меня не мучает. Завершившись, оставляет мне на шее смачный засос – клеймит собою и молча покидает мою спальню. Наглый и беспринципный вор.

Я же чувствую себя опустошенной и грубо использованной. Долго лежу без сна, прокручивая свою прожитую жизнь. Как одно событие может испортить судьбу человека. Женщины. И если я еще остаюсь жить с ним, то это лишь ради дочери. И Владлен это понимает. И пользуется моей слабостью, моей любовью к Зое. Моей зависимостью от него.

- Ты не выпалась, Луиза? – вклинивается в мои мысли Хованский. – Или много выпила вина вчера, поэтому у тебя плохое настроение?

Я не доношу до рта кружку с чаем и с раздражением смотрю на мужа. Луше бы ты меня не цеплял сейчас. Тем более при дочери.

- Ты знаешь, что я вчера практически не пила. К чему эта издевка?

- Значит, у твоего плохого настроения другая причина, - едко произносит, глядя на меня с прищуром.

- Мамочка, как твоя ранка, еще болит? – приходит на помощь Зоя, напоминая о порезе.

- Совсем чуть-чуть, - грустно улыбаюсь дочери и подавшись к ней, глажу по волосам здоровой рукой. – К твоей свадьбе заживет.

Зоя успокаивается и хохочет от моей шутки.

Муж заканчивает завтрак и выходит из-за стола.

- Я отвезу Зою в сад. А ты сегодня отдохни, Луиза. Не ходи в институт. Я возьму для тебя отгул - сошлюсь на травму, - заключает и напоследок, наклоняется и сухо чмокает меня в щеку.

Я сижу за столом до тех пор, пока Хованский и дочь не уходят из дома. А потом быстро сметаю грязную посуду, загружаю в посудомойку и тороплюсь в аптеку. Больше всего я боюсь забеременеть от него. Тогда я точно не выберусь из этого капкана. И если Хованский что-то вбил себе в голову, он добьется цели. Но цели у нас разные, как и жизненные пути.

Рана на руке еще болит, и я пользуюсь этим – слоняюсь по дому. Тру пыль, перебираю вещи. Я вообще редко остаюсь дома одна. Всегда в квартире либо Зоя, либо муж. Либо оба. А когда была жива тетка, то вообще не знала каково это быть в одиночестве. Днем набираю звонок институтской подруге. Мне просто катастрофически не хватает общения с кем-то, кто разделит мою боль, мои переживания. К счастью, Ангелина сегодня выходная и мы долго болтаем за жизнь.

- Слушай, а почему бы тебе с Зоей не приехать ко мне в гости? В июне море конечно не такое теплое, но зато чистое. Мало туристов и уже поспеет черешня и клубника. Приезжай, а! я так давно тебя не видела, Лиз. И Зоя уже большая...И главное за жилье платить не надо!

- Ты так заманчиво приглашаешь, Лина! – смеюсь от того, что на душе разливается тепло. – Просто хочется согласиться.

- Ну конечно соглашайся. У тебя же отпуск.

- В июле. Я попробую поговорить с мужем за поездку к тебе.

- Как у вас дела? Профессор тебя не обижает? А как он относится к Зое? Зоя не догадывается что он ей не родной. Ты не говорила ей? – вываливает град вопросов и я, не сдержавшись, на эмоциях выдаю все что наболело за последнее время.

И про измены Владлена, и то, что давно не сплю с ним. Про вчерашний эпизод умалчиваю. И так слишком много вылила подробностей. И про мысли о разводе.

Ангелина слушает внимательно, лишь вздыхает между паузами.

- Плохо. Я думала ты к нему привыкнешь. И мне он казался серьезным. Да, излишне педантичен и практичен, тщеславный, но не ожидала что он будет тебе изменять со студентками. Вот же Владлен Игоревич – старый похотливый козел! – распаляется подруга на бывшего преподавателя.

- Не знаю считать ли изменами его встречи с малолетками, у нас вроде как фиктивный брак.

- Но на деле то он не фиктивный, раз этот говнюк приходит к тебе в постель.

- Я уже не знаю, Лина, - тру виски, потому что начинает болеть голова от переживаний и плохого сна.

- А..., - заметно мнется, прежде чем задать следующий вопрос: - от твоего летчика так ничего и не слышно?

- Откуда будет слышно? Как он меня найдет? Я же не сообщала ему своего адреса. Просто сказала, что живу в Москве, - грустно вздыхаю, вспоминая о застаревшей обиде.

- Он теперь давно не курсант летного училища. Летает, наверное, если не списали по здоровью.

- Кто знает. Летает или не летает...

- Ну, а ты не думала его найти и сообщить о Зойке? Мне, кажется, он должен знать хотя бы что у него растет дочь. Все-таки ты была не права, сбежав из номера отеля, не поговорив с ним напрямую.

- Я была не права?! – неожиданно взрываюсь. – Он мне соврал! Ты забыла, что у него есть жена, которой он изменил со мной. А еще у него грудной ребенок... - выдыхаю обессиленно, потому что боль воспоминаний пронзает меня изнутри и жмет... жмет.

- Прости, Лиз. Не хотела тебя задеть. Просто подумала, что так было бы лучше, честнее поговорить чем всю жизнь бегать от правды.

- Ладно, ты не виновата в моих бедах. Да и какие беды? У меня растет дочь. Красивая, умная и здоровая девочка, что мне еще желать?

- Если только любви...

- Спасибо. Уже любила и ничего с этой любви не вышло.

- Только же гордилась дочерью, - поддевает меня по-доброму, и я невольно расплываюсь в улыбке. – Ну так что, жду тебя и Зою в гости? Уверена Зое понравится плавать на море.

- Даже не сомневаюсь, - уже представив дочь барахтающейся на волнах в надувном круге.

- Сообщи мне, когда возьмешь билеты. Чтобы я свой график работы согласовала. А то зашлют меня в соседний город, в командировку. А мне хочется с тобой побыть, посплетничать как в годы студенчества. И потом отдых на море - это еще и возможность с кем то познакомиться. Может ты встретишь тут новую любовь?

Ангелина все об одном: о женихах.

Невольно улыбаюсь позитиву подруги.

- Спасибо, уже нашла одного. Ты сама то, что замуж не собираешься?

- Собираюсь. Илья намекает что пора бы уже пожениться, но я что-то так хорошо себя чувствую одной, - мечтательно тянет.

- Ясно, не хочешь быть привязанной к интересам мужа и дому. Все твои длительные командировки придется пересмотреть.

- Это да. В общем жду от тебя звонка, моя дорогая.

Мы прощаемся на позитивной ноте и мое настроение резко поднимается. Почему бы не слетать в Крым? Ну и что что оттуда я вернулась с разбитым сердцем и ребенком под сердцем. Жизнь продолжается. А шанс встретить Бронислава на побережье курортного городка ничтожен.

Глава 8. Курсанты

Шесть лет назад. Крым. Севастополь

Мы с Ангелиной прилетели в Крым пару дней назад. Тут живет ее бабушка, поэтому жилье у нас бесплатное, что не может не радовать бедных студентов.

Первым делом мы покупаем себе резиновые сланцы, крем с защитой от УФ и собрав корзинку с фруктами и компотом, берем из дома старый тканый плед и топаем к морю.

На небе ни облачка. Хотя в сторону моря тянет небольшой ветерок – обдумывает прохладой наши вспотевшие, на июльской жаре тела. Берег усыпан мелкими камешками, смешанными с ракушками. А вдоль кромки воды - желтый крупный песок. И вода чистая, прозрачная как слеза – бирюзовая-бирюзовая и шапки облаков отражаются в море, будто утонули в ней.

Мы занимаем свободный пляжный зонт и расстилаем плед.

Подруга стягивает второй топчан у соседнего зонта, за который надо платить, и хихикает. Вот škода.

- Думаешь прокатит без денег? Он же чей-то... - невольно улыбаюсь, как она его пристраивает в тени плетеной крыши.

- Пока кинуться, мы ужекупаемся и свалим с пляжа. Клади вещи и полотенце. Пользуйся, - величаво разрешает.

Пока я разбираю пляжную сумку, она смотрит в даль горизонта, на береговую линию и произносит:

- Смотри ка какие парни вон там, у пирса. Прыгают в море...зуб даю курсанты. Либо с Черноморского, либо с Качи. Выправка у них офицерская. Все как на подбор. Я по дядьке своему таких парней распознаю. Лучший генофонд нашей страны! - и залиvisto смеется, невольно привлекая внимание тех самых парней.

- Может ты и права, - поглядываю исподтишка на ребят, поочередно прыгающих с пирса на глубину.

Их там человек пять или шесть. Все как на подбор. Рослые, поджарые. Парни хохочут, подбадривают шлепками по плечу друг друга перед прыжком. Падают щучкой в море – выныривают, отплываясь и плывут к берегу, чтобы повторить прыжок.

Жаль, что я не такая рискованная. Никогда не прыгну с высоты. Боюсь или удариться обо что-то в воде, или захлебнуться.

А вот Ангелина наоборот: смелая и дерзкая.

- Пойти что ли познакомиться поближе с парнями? Как думаешь? – смотрит на меня провокационно. – Не хочешь?

- Ой, нет, я могу только смотреть, а ты иди. Потом расскажешь какие они. Оправдались ли твои подозрения или нет, - провоцирую ее в ответ.

- Поспорим что будущие десантники или морские котики на пирсе? В увольнительной походу...

- Тебе так и хочется подцепить кого-то из этих курсантов. Ты потом готова такого мужа ждать по полгода из плавания? Я лично - нет. Хочу, чтобы муж был дома каждый вечер.

- Ха, а кто сказал, что я ищу мужа среди них? Так, развлечься. Они же голодные до девок. Их соблазнить как два пальца облизывать. На раз два и парнишка твой, - задорно хохочет.

- Тогда иди. Соблазняй. Я и спорить не стану – уверена к вечеру тебя ждет свидание с одним из прыгунов.

- Заметано.

Ангелина отправляется в сторону пирса. Забирается на него и грациозно вышагивает по бетонному покрытию, как модель по подиуму. Завидую ее уверенности и грации. Про таких говорят: роковая женщина.

Я же остаюсь сидеть под зонтом. Намазываюсь кремом и мну бока на жестком топчане – ищу удобное положение, чтобы солнце не слепило глаза, а ровно грело тело. Немного загара мне не помешает. Но и обгореть боюсь. Блондинка от природы, я очень чутко реагирую на ультрафиолет.

Тянусь за соломенной шляпой, с широкими полями, но она выскальзывает из рук и порывом ветра ее кубарем уносит в сторону моря.

Я подрываюсь и сломя голову бегу ее ловить. Но следом происходит ужасное – она приземляется у самой кромки воды и в этот момент выходящий из воды купальщик, наступает на нее всей стопой и вдавливая в песок.

- Еб твою мать! – громко ругается и вскинув голову ищет хозяйку шляпки. То есть меня. А встретившись с моим взглядом, полным негодования, раздраженно рывкает: - Твоя?

Я тут же киваю головой и блею:

- Простите, - морщусь, поджав губы. А сама думаю: это он должен просить прощения что раздавил мой аксессуар своей ногой. Но не смею сказать – язык проглотила.

- Что не следишь за своими вещами? – наклоняется и вынимает размокшую в воде шляпку. Брезгливо встряхивает и протягивает мне. С нее сыпется влажный песок и стекает вода. – Боюсь ее уже не реанимировать, - тянет с сожалением.

Я делаю в его сторону три шага и забираю помятую шляпу. Растягиваю в руках, соглашаясь с выводом незнакомца. Он прав – она безнадежно испорчена. Чувствую, как жжет мой профиль взгляд парня.

Сожалеет? Извиниться хочет? Почему-то не спешу уходить, а чего-то жду. Чего? И сама не понимаю.

- Э...ты только не реви, ладно? – вздыхает печально. – Что ни будь придумаем. Могу отдать свою бандану...

- Ничего страшного. Она все равно уже старая, - опускаю руку и рискнув поднять взгляд, смотрю парню в лицо, и... пропадаю.

Пропадаю в больших серо-голубых глазах, опущенных густыми, черными ресницами. Они смотрят на меня с интересом, изучают. В глубине его зрачков пляшут смешинки. Наверняка его забавляет произошедшее или он по жизни позитивный. А чувство вины за поступок ничуть его не трогает.

Несколько секунд и взгляд мой ползет ниже. На его прямой и обгоревший нос. Кожа слегка шелушиться, но краснота уже спала. Видимо на пляже несколько дней и успел обгореть. Как, впрочем, и его красные плечи. Капельки воды на коже блестят - переливаются радугой.

Снова вскидываю взгляд и смотрю на четкую линию рта. Туда, где над верхней губой красивая бороздка, по обеим сторонам которой тянется тонкая полоска усов.

Что я творю? Смотрю на незнакомца так, будто бы никого красивее не видела. Дура!

- Броня, ты с пирса еще будешь прыгать? – разрушает волшебство чужой голос и я, дернувшись, отступаю.

- Позже, Демьян. У меня тут форсмажор случился, - друг его спрашивает: какой и он ему отвечает: - Да у девчонки шляпку утопил в море. Вот каюсь, - и залиvisto смеется.

А я, очнувшись, разворачиваюсь и бегу по горячему песку обратно под зонтик. Понимаю, как выглядела со стороны - как влюбленная дурочка и ругаю себя на чем свет стоит. Ну зачем я паялилась на этого парня так долго? Еще и прощение просила. Ну точно от жары мозги поплыли. А вернувшись под зонт, не могу не смотреть в его сторону. Притягивает как магнитом. Что за напасть?

Его зовут Броня? Кратко от имени Бронислав. Редкое имя. Никого с таким именем в жизни не встречала.

К Брониславу подходит его товарищ и он, видимо, делится с ним происшествием, потому что оба смотрят в мою сторону. Смеются. Переминаются у отмели. Но не заходят в море и на сушу не выбирают. А мне уже неловко становится смотреть на них и я, плотнее надев на голову подсохшую шляпу, отворачиваюсь и укладываюсь на топчан.

Глава 9. Знакомство

На утопленной шляпке мои пляжные беды в этот день не заканчиваются.

Ангелина возвращается спустя полчаса. Возбужденная и довольная. Докладывает о знакомстве с ныряльщиками. И она оказывается права. Они курсанты-третьекурсники Качинского летного училища. И если повезет, то вскоре кто-то из них пригласит нас сегодня на свидание.

- Кто бы сомневался в твоей привлекательности, Лина.

- Если что ты идешь со мной, - заворачиваясь в полотенце, плюхается на топчан.

- А я то, что пойду, если свидание тебе назначено? Я дома останусь, - трусливо отступаю.

- Хрена с два! Чтобы бабка мне чертей всыпала? Ты такая хорошая, а я гулящая. Ну ж нет. Грешить будем вместе.

- Так парень с тобой хочет, я буду мешать, - пытаюсь соскочить. Мне третьей лишней быть ну как-то неприятно.

- Тебя тоже пригласят. Я уверена, - а потом поворачивается ко мне и смотрит пытливо.

Будто что-то знает. Ну про панаму.

- Что?

- Я видела, как ты разговаривала с одним из летчиков, поэтому не лукавь. О чем вы говорили?

- А, это..., - усмехаюсь. – Шляпа моя улетела в море, а он на нее наступил.

- О, так этот неуклюжий дельфин тебе должен остался! Как минимум мороженое и развлечение свиданием.

- Я точно о таком просить не буду! – мотаю головой. - С кем не бывает. Подумаешь. Сама виновата, что панамка улетела. Он прав. Надо лучше смотреть за вещами.

- Поспорим что он позовет тебя на свидание? – провоцирует Лина.

Нет, ну невозможная деваха. Все она знает наперед.

- Ну если позовет, тогда и поговорим.

А сама кошу взгляд в сторону группы тех самых курсантов. Они расположились неподалеку. И громко переговариваясь, действительно то и дело поглядывают в нашу сторону. Наверняка спорят кто из них пригласит нас на свидание. Ребят шестеро. А нас...всего две. Хотя на пляже есть и другие девушки, может выбирают. Наверное, мой взгляд слишком пристален, потому что один из них оборачивается и смотрит на меня.

Бронислав.

Поймав меня на рассматривании, ухмыляется и подмигивает.

Я же резко отвожу свой взгляд в сторону и чувствую, что краснею. Щеки пылают. Выходит я его соблазняю? Но я и не думала этого делать. Чтобы сбить нервность, стягиваю с перекладки зонта парео и пытаюсь замотаться. Но шелковая ткань скользит в руках и падает на песок. А порыв ветра ее настырно уносит в сторону моря.

Нет! Ну разве можно дважды наступить на одни те же грабли?

Я стою в голос, поднимаюсь и топаю за волочащимся по песку палантину. Не бегу, потому что боюсь порезать ступни об острые края ракушек. А медленно переступаю, не выпуская из поля зрения бирюзовый шелк.

Парео словно издевается – взвивается змейкой вверх и летит в сторону группы парней – дразнит меня. Нет чтобы к морю. Или в сторону прибрежных кафешек. Нет, оно упорно летит от меня и приземляется прямо к ногам Бронислава.

Он громко смеется и схватив его, встряхивает от песка, а потом закидывает себе на плечи и подняв голову смотрит на меня с ожиданием.

Подхожу к нему ближе, на расстоянии пары шагов и прошу:

- Отдай пожалуйста.

Остальные парни замолкают и смотрят на нас с интересом. Кто-то хмыкает. Переступают с ноги на ногу, но все молчат. Выжидают.

Меня охватывает дрожь волнения. Столько парней сразу смотрят на меня. А я в одном купальнике. Вся на виду. Но сбегать - верх трусости. И я продолжаю смотреть на Бронислава с моим палантином, перекинутом через шею. Он не выглядит смущенным, а скорее озорным.

- Бери, - ухмыляется и взгляд его становится хитрым – он щурит веки.

Если возьму сама, то коснусь его обнаженного тела. Это слишком интимный жест для незнакомых людей. Не решаюсь, все больше накаляя обстановку. Но мне кажется только я в состоянии конфуза. Остальные веселятся за мой счет.

- Ну же, - подбадривает. – Или боишься, что поймаю тебя так же, как твой платок? – вскидывает брови и я наконец решаюсь.

Делаю последний шаг и дергаю за край палантина, максимально стараясь не прикасаться к телу незнакомца, но тут происходит неожиданное.

Рука парня перехватывает мою руку и сжимает в своей, а вторая обхватывает за талию и рывком тянет на себя.

Я непроизвольно вскрикиваю и падаю ему на грудь.

Раздается хохот парней. Шутки. Но я ничего не слышу - в ушах стоит гул. Гул собственного, испуганно сердца и равномерно бьющегося сердца Бронислава.

Кожа его голого тела горячая - обжигает щеку. Запах морской соли и мяты ударяет в нос – кружит голову. Ладонь, что лежит на талии, крепко сжимает. До боли, будто бы он боится, что упаду, или исчезну, если отпустит. А которая сжимает пальцы - отпускает и переходит за спину. Ползет вдоль позвонков вверх и застывает на шее.

- Я передумал. Верну за поцелуй, - гортанно шепчет и наклоняет голову.

Я застываю статуей. Что? Он меня сейчас поцелует?! На глазах у целой толпы? Нет! Не надо меня целовать. Пропади он пропадом этот платок!

- М-м-м, - веду головой, пытаюсь освободиться их сильной хватки, но парень не слышит меня.

Его лицо совсем близко, а наши тела буквально срослись в единое целое. Он тихо смеется. Хватает мою ладонь и пропустив вдоль тела, крепко прижимает к груди, блокируя сопротивление. Придерживая за затылок, наклоняется и наши губы встречаются.

Губы его сухие и теплые, пахнущие морем и специями, настырно касаются моих. Осторожно пробуют на вкус, а не встретив сопротивления, двигаются дальше. Легонько всасывают одну губу, языком обводит по кругу – щекочет, переходит на вторую, начинает вылизывать, втягивая глубже. Ладонь давит на затылок, а вторая начинает поглаживать бока, спускаться к крестцу и ниже...

Меня колотит озноб, хотя на улице зной. И сладко во рту, и остро, и горячо. Сквозь туман, слышу мужские отрывистые голоса – они шутливо говорят о нас и это меня отрезвляет. Я сжимаю губы и толкаю парня в грудь, наконец разрывая наш поцелуй. Зажмурившись, замираю и учащенно дышу.

Бронислав тоже дышит рвано, со свистом выпуская воздух, а потом хрипло спрашивает:

- Пойдешь со мною на свидание? – губы его на краткий миг вжимаются в мой лоб. – После того, что я сделал с твоими вещами, я просто обязан угостить тебя хотя бы десертом.

Я не знаю, что со мной творится – полное сумасшествие. Тут все смешалось: и протест за украденный поцелуй. И желание повторить. И жуткий стыд. Разум кричит: откажись! Но, я киваю и едва слышно бормочу:

- Пойду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.